

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

Е. С. ПОСМЕТЬЕВА

*Воронежский
государственный
технологический университет*

e-mail: grigores@mail.ru

Статья посвящена проблеме культурной глобализации – одной из самых актуальных в современной социальной действительности и теоретической мысли. Наряду с достижениями и позитивно осмысливаемым потенциалом глобальные изменения социокультурной системы подразумевают и ряд трудностей, связанных с отсутствием механизмов управления этими изменениями. Авторы делают акцент на гуманитарных аспектах глобализационных процессов, видя в них основание для определения внутренней меры, способной связать в единство логику развития современных преобразовательных процессов.

Ключевые слова: глобализация, модели глобализации, столкновение цивилизаций, риск, глобальная этика, гуманизм.

На сегодняшний момент существует множество соперничающих друг с другом концепций и моделей глобализации, а также взаимоисключающих оценок ее последствий. Несомненно, этот процесс сложен, многопланов и противоречив, причем выявление указанных субстанциональных характеристик имеет принципиально важное методологическое, теоретико-философское и практическое значение. Особый смысл приобретает вопрос: является ли глобализация единственным путем развития и совершенствования современного мира, и если – да, то какова гуманитарная составляющая этого процесса. Бесспорным и очевидным является тот факт, что все существовавшие до сих пор цивилизации носили региональный характер, в то время как становящаяся глобальная цивилизация носит черты общечеловеческой. Она выражает, с одной стороны, единство человеческой биологической природы, с другой – социокультурную целостность человечества. Глобальная цивилизация самими своими требованиями к отдельному человеку вводит его в сферу человеческого «рода», и, ставя перед человечеством глобальные проблемы, предполагающие безотлагательные меры по их разрешению, делает акцент на глубинной природе человека. В этом смысле она выступает как подлинно гуманитарная цивилизация. Истинный смысл глобальной цивилизации заключается в том, что она способна гуманизировать (очеловечить) процесс развития и глобализировать саму человеческую природу. Невиданное доселе расширение и интенсификация связей между людьми, принадлежащими к разным культурам, религиям, национальным общностям приводит к тому, что различные культуры не только вступают в диалог, но и взаимопроникают друг в друга. Этот процесс можно описать терминами конвергенции, диффузии, интеграции, сближения, ассимиляции, творческого взаимодействия и др. Динамические процессы, обозначенные этими понятиями, способствуют формированию единой мировой общности, в то же время они сопровождаются иными, противоположными им процессами, направленными на становление культурной идентичности, акцентирование уникальности культур, установление культурной автономии. Современный термин «мировое сообщество» подразумевает тот факт, что отдельные культурные регионы, отличные во многом друг от друга, могут жить единой экономической жизнью, использовать общую современную технику и технологии, владеть примерно одной и той же суммой знаний, обеспечить свободным доступом к электронным банкам информации, обращаться к решению глобальных проблем. Хотя эти процессы касаются, в основном, развитых в экономическом отношении стран, все же они ведут к осознанию того, что приоритетным направлением развития современной цивилизации становится формирование нового мирового порядка, способствующего сочетанию единства мира в разнообразии его составляющих. Указанное разнообразие проявляется не столько в установлении национальной идентичности или, порой, в нарочитом космополитизме, сколько в сознательно избираемых человеком жизненных стилях, присущих либо частной жизни, либо сфере добровольных ассоциаций.

На сегодняшний день далеко не все проявления глобализации так заметны, широко и повсеместно распространены, как всемирное проникновение торговых марок, глобальное господство популярных культурных символов и артефактов и одновременное освещение событий для населения всех континентов. Бесспорен тот факт, что наиболее известными символами глобализации являются Кока-Кола, Мак Доналдс и новости Си-Эн-Эн. И каковы бы ни были причины и практическая значимость этих явлений, не приходится сомневаться, что одной из наиболее воспринимаемых и остро ощущаемых форм глобализации является культурная. Каким бы сложным ни было культурное взаимодействие между обществами в течение последних трех тысяч лет, не существует исторического эквивалента мощному глобальному проникновению и огромному объему культурного движения с помощью современных телекоммуникаций, радиовещания и транспортных инфраструктур. Это не может не порождать серьезных проблем. По мнению Э.Гидденса, главным сражением XXI века станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью¹. «В глобализующемся мире, где информация и образы постоянно «путешествуют» по всему земному шару, мы регулярно вступаем в контакт с другими людьми, которые мыслят и живут не так, как мы», – заявляет Гидденс в работе «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь»². В этой ситуации важнейшей задачей, стоящей перед современным миром становится признание общечеловеческих ценностей. Объективные в условиях нарастающей глобализации потребности межэтнического и межнационального взаимодействия все больше требуют единого языка, способного удовлетворить этим требованиям, а также единой этики. Эти вопросы чрезвычайно актуальны в условиях современного мирового сообщества, непростая действительность которого усугубляется таким фактором, как риск. Изначальный смысл самого понятия «риск» подвергался изменению. Возникнув в эпоху Нового времени, концепт риска был связан со способом изменения будущего, его нормализации и подчинения. Современность показывает, что сами попытки поставить будущее под контроль могут обернуться негативной стороной. Дело в том, что риски бывают как внешними, сопряженными с неизменностью традиций или с законами природы, так и внутренними, «рукотворными», беспрецедентными с точки зрения истории. К последним относятся «глобальные риски»: – экологический кризис, угроза распространения ядерного оружия, возможность краха мировой экономики.

Немаловажное значение приобретает изменение системы «природа-общество-человек». Можно со всей уверенностью заявить, что наше общество существует в эпоху, когда лишь немногие аспекты окружающей нас материальной среды не подверглись в той или иной форме антропогенному воздействию. Само человечество пережило за несколько последних столетий существенную социально-культурную мутацию, заставляющую говорить о смерти «человека природы» и рождении «человека культуры». Совокупность изменений социума, объединяемых понятием «глобализация», – одно из проявлений указанной исторической мутации. Человек обеспечивает свое существование не столько путем прямого потребления природных ресурсов, сколько путем их культурной переработки. Он все менее зависит от реальностей природы, и все более – от социальной и технологической ситуации культуры. Отметим, однако, что это в большей степени касается «человека Запада» – жителя благополучных в экономическом отношении стран. Дополнительным и нарастающим противоречием XXI века становится факт неравномерности распределения природных ресурсов, особенно энергоносителей, пищевых продуктов и пресной воды, дефицит которых для части государств начнет реально ощущаться уже в скором времени. В связи с этим основной может стать стратегия выживания (стран и народов), возможности для реализации которой у большей части населения планеты весьма ограничены. И, скорее всего, гуманитарные аспекты сохранятся в форме деклараций, или вообще упразднятся. В целом, как отмечалось рядом экспертов, мы приближаемся к смене парадигмы развития, и эта смена, скорее всего, будет осуществляться чрезвычайно болезненно и нецивилизованно.

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.

² Там же, с. 20

Практически все предшествующие эпохи основывались на реальных или иллюзорных гуманитарных концепциях. В значительном смысле гуманизм был стержнем развития европейской цивилизации. Поддержка слабых, забота о сирых и убогих, борьба за справедливость, равенство и братство наполняли человечество духовными силами, даже, несмотря на то, что осуществление этих гуманитарных проектов часто граничило с расточительностью огромных человеческих и иных ресурсов и нерациональностью. Глобализация, скорее всего, в первую очередь подвергнет сомнению именно эти аспекты поведения и именно такие (гуманитарные) проекты³. Современные достижения в сфере духовной жизни не могут быть сформулированы в терминах технических систем и, уже поэтому, чужды глобализации. При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнение традиционные понятия смысла жизни, духовных ценностей и веры, которые входят в число важнейших механизмов – системы власти и управления. Рукотворные риски распространяются не только на природу, они проникают и в другие сферы жизни – к примеру, в западном обществе разрушен традиционный образ жизни в виде институтов брака и семьи. Само личное будущее людей представляется теперь более незащищенным. Если до сих пор происходящая мутация вызывала опасные, но локальные и потому контролируемые кризисы, – к ним можно отнести политические революции, разрушительные мировые войны прошедшего века, раскол мира в «борьбе систем», – то глобализация обозначает новый – уже не локальный – масштаб проблем, равно как и новые шансы.

Интенсификация процесса глобализации социальной жизни обостряет проблему взаимодействия, столкновения цивилизаций. Технологически отсталые локальные цивилизации отвечают на вызовы постиндустриального глобализирующегося мира всплеском чувства культурно-религиозной идентичности, нередко отвергая новации развитых стран. Это обострение межцивилизационных противоречий происходит на фоне непреодолимого, неостановимого процесса экспансии индустриализма и постиндустриализма по всему миру. И, тем не менее, в условиях глобализации, несмотря на реакцию самоидентификации и отторжения, усиливается взаимопроникновение цивилизационных структур и элементов различных цивилизаций. Перенос и восприятие этих элементов и структур стали возможными потому, что локальные цивилизации и культуры уже не герметичны, что в них развиваются процессы структурного расщепления. Согласно Д. Беллу, в западной цивилизации произошло относительное обособление технологии, социальной структуры и культуры, – более того, эти блоки могут развиваться по разным векторам. Эта разнонаправленность придает технологии как бы нейтральный, не обремененный социальными и культурными облачениями «чистый вид», и в таком нейтральном виде технологические и экономические элементы цивилизационной системы как бы без опасений и оглядки осваиваются другими цивилизациями. А. Тойнби не без основания отмечал, что рассеянное дифференцированное «излучение» расщепленной цивилизации более опасно для соседних цивилизаций, чем неразложимый свет той цивилизации, где структура еще едина и недостаточно дифференцирована.

В современном мире резко ускоряется цивилизационная динамика, изменения приобретают асинхронный характер и структурная расщепленность усиливается. Происходит значительная дифференциация в темпах изменения трех основных структурных составляющих цивилизационной системы – технологии, социо – экономико- политических и культурно-ментальных структур, которая особенно сильно выражена в более отсталых регионах и странах, ибо происходит резкая интенсификация воздействия на них извне прежде всего технологических и экономических новаций. В условиях быстрой технологическо – экономической динамики обществ, «облучаемых» новациями, другие блоки социальных отношений и культурные структуры не успевают перестраиваться и могут даже консервироваться: но даже проникающие извне технологические, административно-организационные и другие новации, кажущиеся на первый взгляд культурно и идеологически нейтральными, на самом деле не могут быть нейтральными в полной мере. Здесь действует закон, сформулированный А. Тойнби: невозможно по выбору заимст-

³ Лукин В.М. Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 53-55.

воват элементы иной цивилизации и при этом не оказаться в зависимости от нее. Так, значительная часть исследователей склонна отождествлять глобализацию с вестернизацией, превознося цивилизаторскую миссию западного мира. Они приветствуют борьбу с варварством «традиционных обществ», искоренение язычества и дикарских обычаев незападных культур. Однако большинство ученых справедливо возражают против отождествления этноцентризма с глобализацией и видят в вестернизации «культурный империализм» евро-атлантической цивилизации, который ведет не к глобализации культур, а к «новому варварству» и «бескультурью». Ключевой проблемой для них выступает интерпретация культурного разнообразия современного мира как органичной функциональной особенности процесса глобализации. В этом направлении идут интенсивные научные поиски и серьезный интерес представляют теории У. Ганнерса и Ш. Эйзенштадта.

У. Ганнерсу принадлежит концепция «глобальной ойкумены» как региона постоянного культурного взаимодействия, обмена информацией и перевода феноменов одной культуры на языки других культур. По мнению этого автора, процесс глобализации может развиваться в четырех направлениях. Наиболее предпочтительным является сценарий «созревания» или глобализации, исключая вестернизацию. В «глобальной ойкумене» в таком случае происходит равноправный диалог и обмен информацией между крупными культурными метрополиями и многочисленными периферийными культурами. Метрополии выступают в роли стимуляторов, оживляющих развитие периферии и способствующих обогащению местных культурных ценностей. А периферийные культуры, в свою очередь, активно интерпретируют привнесенные идеи, значительным образом модифицируют культурный поток и этим влияют на культуру метрополии. Так в процессе диалога культур осуществляется процесс их «гибридизации». В «глобальной ойкумене» все культуры – сложные синтетические образования, в которых основополагающие ритмы локального наследия переплетаются с транснациональными мотивами.

У. Ганнерс предупреждает, что возможны и другие сценарии глобализации, но все они ведут в тупик «культурного империализма». Сценарий «глобальной гомогенизации», например, предполагает полное доминирование западной культуры в мире: все страны копируют западный образ жизни, идентичную продукцию в универсамах, произведения развлекательной индустрии и т. п. Сценарий «сатурации – насыщения» выступает одной из версий подобной унификации. Периферийные культуры постепенно впитывают в себя культурные образцы Запада, насыщаясь ими, и через несколько поколений местные традиции исчезают, уступая место культурной однородности или, скорее всего, безродности. Сценарий «периферийной коррупции» предполагает разложение западной культуры в процессе адаптации в инокультурной среде. Периферийные культуры отфильтровывают высокоинтеллектуальные и гуманистические достижения Запада, оставляя место только для информации самого низкого уровня: воспринимается продукция массовой, а не достижения высокой культуры. Так реализуется тенденция «культурной свалки» – переизбытка культурных произведений низкого качества общественной жизни периферийных стран.⁴ Эйзенштадт присоединился к сценарию «созревания», вслед за Ганнерсом выбрав путь глобализации без вестернизации. На основании анализа культурного диалога древних и современных цивилизаций он пришел к выводу, что процесс гибридизации культур в поле межцивилизационных взаимодействий действительно является всеобщим. Современные культуры кристаллизовались путем отбора, трансформации значительного количества традиций, символов и институтов как национальных, так и заимствованных у других народов. Глобализация, по его мнению, не исключает, а подразумевает развитие вариативности культур, поскольку именно в этом содержится потенциал для дальнейшего развития человечества. Современные культуры кристаллизовались путем отбора, трансформации значительного количества традиций, символов и институтов как национальных, так и заимствованных у других народов. Глобализация, по его мнению, не исключает, а подразумевает развитие вариативности культур, поскольку именно в этом содержится потенциал для дальнейшего развития человечества.

⁴ Hannerz U. Notes on Global Communications // Public Culture. 1989, № 1. P. 65-75; Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures. Binghampton, 1989.

Подобная логика к содержанию глобализационных процессов отражена в концепции М. А. Чешкова о пяти проектах мирообщности. Первый проект является западным или либерально-рыночным (условно – мир по подобию Запада), гегемоном при этом выступают прозападные мировые организации и прозападная мировая интеллигенция при опоре на транснациональные силы и поддержке части межгосударственных сил. Второй проект рисует мир равноположенных разнообразий, гегемон – мировая гуманитарная интеллигенция при поддержке межгосударственных сил и части религий. Третий проект связан с миром равнозначимых государств, гегемоном здесь являются межгосударственные объединения при поддержке части представителей мировых организаций и великих религий. Четвертый проект – мир через доминирование локального, гегемон при этом – фундаменталистские течения восточных религий (например, ислам) при поддержке части межгосударственных сил. И, наконец, пятый проект – мир без угнетения и неравенства, гегемоном здесь выступит часть гуманитарной интеллигенции при поддержке великих религий⁵. Второй, третий и пятый проекты во многом пересекаются: мир без угнетения и неравенства – это мир равнозначимых государств, мир равноположенных разнообразий, который поддерживается одними и теми социальными силами – гуманитарной интеллигенцией, частью великих религий и некоторыми межгосударственными силами. В данных проектах М. А. Чешкова по существу представлены три соперничающие идеи глобализации – западная либерально-рыночная, фундаменталистская и гуманитарная. Обратившись к творчеству современных западных социологов и политологов, можно заметить, что во всем разнообразии уже созданных проектов глобального мира скрываются все те же три конкурирующие идеи. И это не удивительно: сегодня именно они определяют диалог культур в условиях глобализирующегося мира. Они же свидетельствуют о том, что глобализационные тенденции пытаются поставить под свой контроль самые различные социальные силы, борющиеся за мировое влияние. Не случайно поэтому многочисленные проекты глобального мира так противоречивы, а “само мироведение как отрасль научного знания до сих пор не конституировано”⁶.

Современный этап глобализации предоставляет отсутствовавшую прежде возможность комплексного реагирования в ответ на частичные изменения системы. Главнейший на сегодня вопрос прогресса – ведет ли он к увеличению или уменьшению управляемости мира – в данном случае может иметь как положительный, так и отрицательный ответ. Выход можно найти, обращаясь к механизмам управления, контроля человечества над этими процессами. Говоря о механизмах контроля, мы здесь обращаемся в первую очередь к морали, праву и политике как основным сферам саморегуляции социума. Если политика и отчасти право указывают на оперативные возможности управления исторической ситуацией, то этика несет в себе фундаментальные основания последних. На фоне абсолютно новых вызовов и глубинных изменений практически во всех пластах человеческого бытия становится все более очевидной неспособность традиционной морали ставить эти вопросы и их решать. Подвергаемые трансформации (подчас разрушительной) институты традиционного общества (например, церковь и т.д.) не содержат механизмов адекватного реагирования на проблемы глобального уровня, не обладают такими механизмами и традиционная мораль. Сегодня требуется радикальное переосмысление предмета, методов и задач социальной науки и этики, которые были бы соизмеримы с совершающимся историческим поворотом и обновлением человечества. В противовес деструктивным аспектам индивидуального человеческого взаимодействия, деструктивные аспекты человеческого вмешательства в природу не были даже замечены и включены в этическую проблематику традиционных институтов морали и права или в философскую этику⁷. Лишь в последние десятилетия прошлого столетия стал отчетливо «высвечиваться» факт того, что человеческое отношение к природе и взаимодействие с ней создает этические проблемы, сравнимые с возникающими в социальных отношениях

⁵ Чешков М. А. Развивающийся мир и постгегемональная Россия, с. 142.

⁶ Василенко И. А. Политическая глобалистика. Учебное пособие. М., 2000. С. 319.

⁷ Юрьев А. Глобализация как новая форма политической власти. – В сб.: Глобализация: варианты для России // Материалы круглого стола – СПб.: Информационное агентство «РосБалт». – 2001. – С. 38-49 с.

между людьми. До настоящего момента далеко не ясно, как следует осознать эти проблемы и вызовы в отношении к этике в целом. Существуют ли институты или формы морали и этики, которые соразмерны этим проблемам; или мы нуждаемся в совершенно новом типе этики, базирующейся на новом типе философии или мудрости. Или нам можно отказаться и просто игнорировать эти новые этические проблемы и сохранять наши партикулярные моральные традиции и привычки?

Отметим, что на наш взгляд, данный вопрос теснейшим образом связан с проблемой глобализации в области религии, сердцевину которой и составляет этика – каждая религия содержит в себе учение о нравственных добродетелях, понимаемых как средство достижения конечной цели. При этом, конечно, здесь не ставится знак равенства между религией и моралью. Существенно, что этические системы в различных религиях не одинаковы в той же мере, в какой они были различными на разных исторических этапах человеческого развития. Существуют различные классификации религий. Так, все многообразие религиозных можно разделить на ортодоксальные, в которых ведущей тенденцией является доктринальная и ортопраксические, основанные на деятельностном подходе к в вопросе сочетания догмы и практики. В таком случае, к первой группе будут относиться две основные ветви христианства – католицизм и православие, а ко второй- третьей ветвь христианства – протестантизм, а также иудаизм и ислам. Можно, вслед за М.Вебером, распределить религии согласно трем основным образам отношения к миру: приспособляющие к миру религии (конфуцианство), уводящие от мира (буддизм и индуизм) и способствующие овладению миром (иудаизм, христианство, ислам). Каждому из этих вариантов отношения к «миру» соответствует свой особый тип рациональности, дающий общее направление системе ценностей, определяющий специфический вектор социального действия. В пределах одного типа религиозной рациональности нетрудно заметить наличие разных «картин мира», неодинаковые системы взглядов на многие аспекты бытия.

Представляется, что ортопраксические религии, или религии «приспособления к миру», в большей степени, чем ортодоксальные или религии «ухода от мира», будут склонны принять глобализацию, ибо они охотнее идут на сближение с другими религиозными системами и в них сильнее развит элемент рациональности, прагматизма и то, что принято называть «здоровым смыслом». В современном глобальном мировом информационном пространстве никакая религия не может игнорировать другие религиозные системы и полностью изолировать себя от них. Конкретные формы глобализации в области религии могут быть сведены к следующим позициям: экуменизм, неорелигия, синкретизм, секуляризация. Из перечисленных форм секуляризация представляется наиболее существенной. По мере все большего раскрытия тайн природы, познания мира, по мере «возвышения» человеческого Разума Бог как олицетворение всего непознанного все дальше может отодвигаться на обочину общественного сознания. Ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса, информационных связей предвещают дальнейшее нарастание этой тенденции. Религиозное многообразие все же делает неуместным вопрос о выявлении одной единственной истинной религии, или, другими словами, единственного пути, ведущего к Богу.

Духовный эпицентр любой культуры составляют экзистенциальные проблемы и переживания, вытекающие из констатации непреложного факта смертности человека. И на вопрос, сохранится ли религия в будущем, можно ответить так: до тех пор пока светская культура не даст убедительного ответа на важнейшие проблемы бытия, интимно переживаемые каждым, для значительной части человечества вера в Бога или богов останется своеобразным символом и основой надежды на торжество добра, на приобщенность к вечным истинам бытия, потому что человечество обречено на стремление сомкнуть звездное небо и категорический императив в душе. Но и тогда индивид будет свободно определять свое место в пространстве культуры в зависимости от собственного неповторимого жизненного опыта. Как нам представляется, в самом отдаленном будущем, когда результаты глобализации будут зримы, религия не окажется полностью вытесненной из сферы сознания и поведения значительной части человечества.

В 70-е годы прошлого века Ю.М. Лотман доказал, что культура содержит в себе внутреннее штампующее устройство, благодаря которому не только единство смысла в

культуре порождает его конкретное символическое и выраженное в различных артефактах многообразие ее проявлений, но и само бытие, осваиваемое человеком, приобретает определенную историческую форму и относительную устойчивость. Согласимся с мнением Барковой Э.В. о том, что функцию этого "устройства" реализует пространственно-временной континуум культуры, совмещающий единство и многообразие явлений и процессов социокультурной реальности. Культура на каждом этапе своего развития формировала свое особое пространство-время с характерным для него стилем, нормами и символами посредством субъектов, представленных обществом, нациями, этносами. Процесс глобализации порождает принципиально новую надтерриториальную и наднациональную реальность, что задает проблему самостоятельного, до-субъектного формирования континуумом культуры необходимой меры.

Современные глобализационные тенденции не обеспечивают основы безопасности и устойчивости бытия как всего международного сообщества, так и отдельных людей. Это связано с тем, что на сегодняшний день процесс глобализации можно определить преимущественно синергетически, выделить некоторые центры, порождающие те или иные формы и режимы развития.

Автономность этих центров связана с их способностью раскрывать новые, еще неосвоенные ресурсы (информационные, технологические, организационные), а не со смысловой стороной. Сама логика глобализации в этих условиях выходит из-под контроля человека, будучи связанной не с собственно человеческой направленностью, а лишь с условием совместимости заданных ритмов преобразований с другими "ритмами колебаний" и с международным глобальным целым. Матрица культуры (культуры человека!) должна встроиться в этот порядок и подчинить его не только нормам относительной устойчивости, но и нормам смысла и общечеловеческих ценностей.

Общественный мир, с одной стороны, есть мир фактуальный, воплощенный в определенных фиксированных реальностях. Но в то же время, будучи реализацией самых разных граней человеческой духовности, он является пространством новых устремлений, новых горизонтов, миром внутренней динамики, движимым новыми целями и ориентирами. Современный этап глобализации сопровождается эволюцией психологических и ментальных структур человека, ведет к изменению содержания и роли сознания. Причем это проявляется как на индивидуальном, так и на уровне общественного сознания в целом. Все глобальные и трансграничные процессы, «пропускаясь» через наше сознание, вызывают изменения в оценочной и аффективной сферах человеческого мышления, затрагивают, как уже было отмечено выше, сферу смыслов и ценностей жизни индивида, группы, общества. Более того, под влиянием глобальных изменений в мире трансформируются ценностные и культурные структуры различных обществ и отчасти даже цивилизаций. Так, ценности западного либерализма (Севера), накладываясь на сакральные традиции Востока и Юга, на практике реализуются в весьма причудливых формах, придающих трансграничным процессам непредсказуемые очертания. Однако в мировом пространстве формируются и универсальные ценности, пытающиеся сформировать унифицированные типы оценочных реакций на происходящие в мире события. Даже в том случае, когда эти идеи и представления блокируются в той или иной национальной среде, находятся косвенные, вспомогательные формы для их позиционирования в общественном мнении, культурного продвижения и развития. Таким образом, можно с достаточным на то основанием утверждать, что в современном глобализующемся обществе наметился процесс кристаллизации ряда универсальных категорий и ценностей, формирующих относительно единые гуманитарные идеалы и принципы.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.
2. Там же, с. 20
3. Лукин В.М. Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 53-55.
4. Hannerz U. Notes on Global Communications // Public Culture. 1989, № 1. P. 65-75; Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures. Binghampton, 1989.

5. Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия, с. 142.
6. Василенко И. А. Политическая глобалистика. Учебное пособие. М., 2000. С. 319.
7. Юрьев А. Глобализация как новая форма политической власти. – В сб.: Глобализация: варианты для России // Материалы круглого стола – СПб.: Информационное агентство «РосБалт». – 2001. – С. 38-49 с.

GLOBALIZATION: A HUMANITY ASPECT

E. S. POSMETYEVA

*Voronezh State Technical
University*

e-mail:grigores@mail.ru

The article is dedicated to cultural globalization problem. Global changing of humanity cultural system has positive achievements as well as a number of difficulties caused by absence of changhins control mechanisms. Authors accentuate humanity aspects of globalization processes as they are the base of modern changing processes.

Key words: globalisation, globalisation models, collision of civilizations, global etics, humanism.